

Кодекс. Цена Знания

Егор Трушников

Егор Трушников
Кодекс. Цена Знания

«Автор»

2026

Трушников Е.

Кодекс. Цена Знания / Е. Трушников — «Автор», 2026

Архитектор Арн читает дома руками — по трещинам, по кладке, по усталости камня. Однажды трещина на знакомом фасаде складывается в слово, и он начинает видеть символы, написанные на самой материи мира. Ему обещают доступ к фундаменту мироздания — и он читает, всё глубже. Только за каждое прочтение приходится платить, и плата берётся памятью: уходит вкус любимого кофе, потом дорога, которую знал наизусть, потом голос человека, которого любил. Город вокруг тихо разваливается: близкие забывают друг друга, погода идёт не так, друзья теряют себя. А триста лет назад этот путь уже прошёл другой — и оставил след для того, кто дойдёт до конца. Магический реализм в современной интонации: тихая магия, твёрдо стоящая на земле приморского города. О цене знания, о любви как условии выживания и о том, чьим автором ты оказываешься в собственной жизни.

© Трушников Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Крыша	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Егор Трушников

Кодекс. Цена Знания

Глава 1. Крыша

Черепица держала тепло даже после заката. Арн сидел, упираясь ладонью в шершавую волну кровли, и тепло поднималось через руку, медленное, как от живого. Глина отдавала день обратно — то, что взяла с полудня, теперь возвращала в ладонь, в локоть, выше. Под пальцами зернилась глазурь, выщербленная за сто лет дождей и солнца; в ложбинах между волнами набился сухой мох, и если провести по нему, он крошился в труху, лёгкую, как пепел сигареты. Кое-где черепица треснула и держалась честным словом и привычкой. Арн знал, какая под какой, знал, где скат проседает на палец и куда не надо ставить вес. Он бывал здесь много раз и читал эту крышу руками, как читают знакомый текст вслепую — по выпуклостям, по знакомой шероховатости края.

Внизу закрывалось кафе на углу. Официант заносил стулья — по одному, без спешки, и каждый стул коротко звякал о порог, металлической ножкой о камень, и звук этот, отделённый высотой, доходил наверх с малой задержкой, будто город говорил чуть медленнее, чем двигался. Дальше по улице гасли витрины: книжная, цветочная — её собственная, с забытой лампой над кассой, жёлтым пятном за стеклом, — потом янтарная лавка. В окне лавки до последнего горели жёлтые бусины, выложенные на чёрном бархате, как угли, не желающие гаснуть. За ними угадывались полки, пресс-папье, кулоны на нитках. Где-то открыли и закрыли подъездную дверь — тяжёлый старый замок, два оборота. Пахло остывающим камнем, чуть — водой из канала за два квартала, и совсем тонко — нагретой жестью водостока, который весь день стоял на солнце и теперь, в темноте, медленно отпускал жар.

— Держи.

Нель протянула чашку. Он взял — и задержал её руку в своей. У основания большого пальца, там, где ладонь встречает инструмент, кожа была твёрдой: мозоль от секатора, старая, как сама мастерская. Он знал эту мозоль на ощупь лучше, чем её лицо в темноте. Под ногтями — тонкая полоска лака. Не маникюр. Лак для дерева: днём она возвращала к жизни чью-то шкатулку, проходила тампоном вдоль волокна, и лак забивался в кромку ногтя и не отмывался ни щёткой, ни растворителем.

— Руки пахнут стеблями, — сказала она. — Не отмывается.

— Пусть.

Он не отпускал руку дольше, чем нужно, чтобы взять чашку, и она не отнимала. Между их ладонями держалось то же тепло, что и в черепице, — встречное, ровное.

Кофе был тёплый, не горячий: пока она поднималась через чердак — по узкой лесенке мимо сложенных ведер, мимо ящика с упаковочной сеткой, через люк, который она подпирала плечом, — он остыл ровно до того состояния, когда его можно пить большими глотками. Арнпил и смотрел на город. Кофе горчил вначале и отдавал кислоткой в конце, на дне, — тот самый привычный вкус, который он заказывал годами и узнал бы из тысячи. Он сделал ещё глоток, и ещё.

С крыши город раскладывался слоями. Ближний — черепица, мох в ложбинах, антенны, тарелки спутникового на ржавых кронштейнах, бельевая верёвка через два ската, забытая прищепка на ней. Дальше — фасады: довоенный кирпич с эркерами, лепнина под карнизами, кое-где сбитая, кое-где целая; между ними серые пятиэтажки, как заплатки на старом пальто, поставленные наспех и не подобранные по цвету. Ещё дальше — краны порта, неподвижные на фоне последнего света, и новое стекло у воды, отражавшее то, чего уже не было в небе. Город

был сшит из трёх времён, и швы никто не прятал. Эти швы Арн мог нарисовать с закрытыми глазами — где обрывается кирпич и начинается панель, где старая улица упирается в новую развязку и теряет имя. Он смотрел на эти стыки, как смотрят на старый перелом: срослось криво, но держит.

И ещё дальше, в той части, где свет уже совсем ушёл, фасады стояли тёмными плоскостями, и в их черноте город делался старше, чем был днём, — будто за современным кирпичом проступал другой кирпич, старее, с другими пропорциями окон, и Арн поймал себя на том, что вглядывается туда дольше, чем стоило бы. Там ничего не было. Темнота как темнота.

Телефон в кармане дрожал. Третий раз за вечер. Он достал его, посмотрел на экран — «Поздравляю!!», «Красавцы», «С тебя причитается» — и положил на черепицу экраном вниз. Свет погас, и стало темнее.

— Сдали? — спросила Нель.

— Сдали. Приняли без единой правки.

— Без единой. — Она повторила это, как пробуют на вес незнакомый предмет, поворачивая его и так и эдак. — И?

— Что — и?

Она повернула голову и посмотрела на него — снизу вверх, чуть набок. Она всегда так смотрела, когда он отвечал слишком быстро.

— Хороший дом, — сказал он. — Правильный. Простоит сто лет.

— Но?

— Никакого «но».

Она ждала. Пауза у неё была терпеливая — пауза человека, который умеет не трогать, пока схватывается клей. Она держала чашку обеими ладонями, грея пальцы, хотя греть было не от чего — вечер стоял тёплый. Внизу проехала машина, фары прошлись по торцу дома напротив и ушли, и фасад на секунду вспыхнул и снова утонул в темноте.

— Просто дом, — сказал он. — Всё на месте. И всё.

Он искал, что добавить, и не находил. Слово было где-то рядом, но не давалось — то самое, которым Профессор называл разницу между чертежом и домом. Оно болталось на краю, как имя, которое вот-вот вспомнишь, и Арн перестал тянуться к нему, чтобы не спугнуть.

Нель отпила из своей чашки и не стала переспрашивать. Внизу официант занёс последний стул, повозился с засовом и опустил жалюзи — длинный жестяной грохот, потом тишина, в которой стало слышно, как где-то за два квартала простучал по брусчатке поздний велосипед. Колесо попадало в одни и те же щели между камнями, и стук шёл ровный, как метроном, удаляясь.

Рука сама нашла во внутреннем кармане записную книжку. Кожа обложки за годы стала мягкой, как вторая ладонь, угол протёрся до светлого, резинка растянулась и потеряла половину упругости. Арн снял резинку, открыл на заложенном месте — карандаш лежал в стиге, как закладка, — и записал четыре слова про швы и заплатки, мысль ни о чём, мысль про этот город сверху. Буквы ложились косо, без света, на ощупь. Так учил Профессор: голова не хранилище, голова — мастерская; хранилище носи с собой.

— Даже здесь? — Нель смотрела на книжку, не на него.

— Особенно здесь.

Она усмехнулась — коротко, в чашку. Спорить об этом они перестали года два назад. Один раз поспорили всерьёз, до резкости, потом она махнула рукой, и с тех пор это стало почти нежностью — его привычка вынимать книжку посреди разговора, посреди ужина, посреди тишины.

Он закрыл книжку, накинул резинку и оставил её на черепице между ними, рядом с телефоном. Сидели молча. У молчания был вес, но лёгкий — как у льняной рубашки на плечах. Её плечо касалось его плеча, тёплое сквозь ткань, и при каждом её вдохе касание становилось

чуть плотнее и снова отпускало. Внизу, в мастерской, спали в вёдрах завтрашние георгины — он знал, что спали, потому что бывал там утром, видел, как она достаёт их из холодной воды, тяжёлые от влаги. Август стоял такой, что и ночь не несла холода — только запах нагретой за день черепицы и где-то, тонко, асфальта после вечерней поливальной машины, того особого запаха пыли, прибитой водой, который держится на улицах ровно до первого ночного часа.

— У меня свадьба в субботу, — сказала Нель. — Сто двадцать роз и невеста, которая шесть раз поменяла оттенок лент. Сначала айвори, потом пудра, потом снова айвори, но «другой айвори». Если в пятницу я не выйду к тебе на связь — я в розах. Откапывать придёшь?

— Приду.

— С лопатой приходи.

Он повернулся к ней. В сумерках лицо у неё было спокойное и немного усталое, и от этой усталости — мягче обычного; резкие скулы в темноте сглаживались, тёмные глаза держали последний отсвет с воды.

— Приду без лопаты, — сказал он. — Руками быстрее.

Она засмеялась, тихо, почти без звука — у неё и смех был низкий, чуть сиплый, как голос, и шёл откуда-то из груди, а не из горла. Потом допила кофе, заглянула на дно, будто там что-то осталось, и поставила чашку на черепицу дном вверх — так, как ставят, когда не собираются больше наливать.

Город внизу досыпал последние летние дела. В янтарной лавке погасли угли — кто-то внутри щёлкнул выключателем, и жёлтые бусины разом провалились в черноту. Окна напротив темнели одно за другим, без порядка, как гаснут люди перед сном — кто раньше, кто позже. И когда погасло предпоследнее, фасад девятьсот четвёртого года встал против них во весь рост, освобождённый от чужого света: кирпич, эркер, карниз с растрескавшейся лепниной, водосточная труба, уходящая в темноту двора. Арн знал этот дом давно — крепкий, перестоявший всё, что городу выпало, переживший то, чего уже нет на этой улице. Кладка у него была честная, ложка к ложку, без современной торопливости. Под самым карнизом темнела трещина — старая, осадочная, с серым подтёком извести, давно высохшим. Неопасная. Дом дал её десятилетия назад, осел и встал. Арн видел эту трещину тысячу раз — по дороге на работу, с этой самой крыши, мельком и в упор. Он мог бы провести её на бумаге наизусть, со всеми ответвлениями, с тем местом, где она раздваивается у третьего этажа.

Он смотрел на неё просто потому, что глазу надо было на чём-то остановиться, и стена была спокойная, знакомая, ничего не просящая.

Трещина дрогнула.

И на один вдох сложилась — как складываются буквы в слово.

Арн моргнул.

Под карнизом была трещина. Старая, с подтёком. Стена стояла, как стояла сто двадцать лет.

— Ты чего? — спросила Нель.

— Ничего, — сказал он.

И не отвёл взгляда от стены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.